

ЛЕКСИКА СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ ЭСТОНИИ И РУССКИЕ ГОВОРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА: К 50-ЛЕТИЮ ВЫХОДА «МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ СЛОВАРЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ ПРИБАЛТИКИ»*

Аннотация. «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» (1963 г.) — уникальный источник диалектных данных, сохраняющий записи живой диалектной речи, сделанные в 1950–1960-е годы на территории Эстонии, Латвии и Литвы. Однако за прошедший период появились новые диалектные словари, активно продолжается изучение языка и культуры старожильческих говоров Эстонии. Все это позволяет анализировать лексику русских говоров Эстонии в контексте диалектов Северо-Запада, и — шире — в контексте русских говоров в целом. В результате наблюдений над лексическими данными делаются некоторые предварительные выводы о своеобразии лексической системы старожильческих говоров, о происхождении диалектной лексики, а также о различиях в функционировании диалектных слов в речи старожильческих говоров Эстонии и в речи русского крестьянского населения России.

«Материалы к Словарю русских старожильческих говоров Прибалтики» — источник уникальной, зачастую архаической и неизвестной другим говорам лексики, имеющей большое значение для изучения региональных языковых форм в исторической перспективе.

Ключевые слова: русская диалектология, лексикология, диалектная лексикография, старожильческие говоры, старожильческие говоры, Эстония.

Почти 50 лет назад вышли в свет «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» (МСРСГП). Сегодня этот словарь — уникальный источник диалектных данных, содержащий записи, сделанные в 1950–1960-е годы. «Материалы...» стали одним из первых послевоенных диалектных словарей, ведь до этого диалектологи были заняты преимущественно

*Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

работой над ДАРЯ, и решение о необходимости создания диалектных словарей было принято на Совещании по вопросам диалектологии только в 1955 г.

«Материалы...» — словарь по своему типу дифференциальный, при составлении словника авторы руководствовались ТСУ и академическими словарями русского языка и «включали только слова, имеющие помету обл. или вообще отсутствующие в словарях» (МСРСГП: 7). В разделе «Принципы составления словаря» указано, что в словарь «включается только диалектная лексика..., а именно: а) слова, отсутствующие в современном русском литературном языке (*пúня, засék*)... б) слова, имеющие отличия от соответствующих литературных слов *леной* (ленивый), *забítь* (убить) и в) слова, имеющие в говорах иное значение *клюка́* (кочерга), *лихой* (сердитый, злой)» (МСРСГП: 8). Однако заметно, что авторам «тесно» в дифференциальных рамках, поскольку общерусское слово функционирует в диалекте иначе, нежели в других формах существования языка (разговорном слое литературного языка или художественной литературы) — что и доказала последующая практика составления диалектных словарей. Так, например, существительное *кусóк* в значении 'большое расстояние' *Дэ́л'ако́ да Бу́льва?* — *Кусóк, кусóчк на́да прайти́*. Лат. (МСРСГП: 140), глагол *кусáться* 'жалить' о насекомых *Мух'и так'ийи злы́и, кусáйуца, в'инна, доши буд'и*. Эст. (МСРСГП: 139), прилагательное *ла́дный* 'хороший' *Ла́нный ф т'аб'а мужы́к, кара́хт'вр хáрошгый в йавó*. Эст. (МСРСГП: 141) и др. в тех же значениях зафиксированы словарями литературного языка (ср.: *кусóк*: 'вообще отдельная часть чего-л.' (*кусок местности*) (БАС, 5: 1892); *кусáться* 'причинять боль укусами' (*кусались блохи*) (БАС, 5: 1890); *ла́дный* разг. 'хорошо сложенный, статный; хороший, дельный' (БАС, 6: 27) — однако авторы помещают указанные лексемы в словник. Понятно — и это также оговаривается в предварительных замечаниях к словарю — недостаточное количество записей и недостаток времени для полного сбора материала и его проверки. «Некоторые диалектные слова, встречающиеся в иллюстративном материале, не внесены в словник,

например: *кольцевьё, мармус, глядины, веничыё*, за неимением достаточного материала, хотя в некоторых случаях все же вводятся слова и с малым количеством примеров и даже с такими недостаточными иллюстрациями, которые только называют слово, а не объясняют его значения» (МСРСГП: 6). Надо отметить, что наличие такого материала неизбежно, и связано это не только и не столько с недостаточностью базы словаря, сколько с внутри- и внеязыковыми явлениями. Во-первых, в говорах, как и в разговорной речи вообще, немало единичных лексем — такое слово, как *кольцевьё*, пусть и образованное по активной словообразовательной модели, может быть окказиональным. Во вторых, конец 1950 — начало 1960 гг. (как показывают наблюдения на материале Диалектного подкорпуса НКРЯ и на материалах Картотеки ПОС¹) — очевидно, время ухода старого поколения диалектоносителей и начало резкого снижения употребления диалектной лексики в речи жителей деревни, когда «старые» слова начинают забываться, переходить в пассивный запас: *мармус, кольцевьё, веничыё* — не отмечены ПОС, а, например, *глядѝны* отмечено в двух значениях.

Заканчивается Предисловие к «Материалам...» замечанием о том, что «из-за ограниченности во времени и месте данные других диалектных словарей не привлекались..., хотя это, несомненно, представляет большой интерес» (МСРСГП: 7).

За прошедшие 50 лет период появились новые диалектные словари (ПОС, СРГК, Селигер, АОС, СВГ, СРГНП и др. — а некоторые были и переизданы, как НОС) активно продолжилось изучение языка и культуры староверов Эстонии (3 выпуска «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии», СГСЭ и др.); вышло более 40 томов СРНГ. Все это позволяет анализировать лексику русских говоров Эстонии в контексте диалектов Северо-Запада, и — шире — русских говоров в целом и сделать некото-

¹Пурицкая Е. В. Диалектный подкорпус Национального корпуса русского языка как источник изучения лексической динамики диалекта // Севернорусские говоры. Вып. 12. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 14–22.

рые предварительные выводы о своеобразии лексической системы старожильческих говоров, о происхождении диалектной лексики, а также о различиях в функционировании диалектных слов в речи староверов Эстонии и в речи русского крестьянского населения Северо-Запада России.

Как уже было отмечено, некоторые диалектные слова, встречающиеся в иллюстративных цитатах «Материалов...», не внесены в словарь. К числу таких не выведенных в словарь лексем относится существительное **скóромь** 'скоромная, мясная и молочная пища' — оно зафиксировано в статье на слово **сре́да** 'третий день недели, среда' *Срэ́да д'эн'ь по́снэй, м'áса и скóрэм'и н'и йéл'и*. Эст. (МСРСГП: 311). В СГСЭ это существительное в том же значении приводится с твердой основой **скóром** (м. р.): *Был пост, и я говорю, что рижанам дать скóром нельзя, что мы должны постное что-то приготовить* (СГСЭ: 135). Рассмотрим, как это слово представлено в русских народных говорах.

В псковских говорах **скóром** (м. р.) зафиксировано в том же значении: *Скóрам-та ф пастáх ни éли; Ры́бу вари́ли то́лькэ ф сре́ду и ф пýтницу, скóрэм не éли на сре́дам и пýтницам; Раньша пасты́ саблюда́ли, скóрам ня éли, а бы́ла куда́ фкусне́я ма́сла*. (КПОС). Всего в Картотеке ПОС 12 фиксаций слова **скóром**, из них 7 — в Гдовском, и по 1 — в Печорском, Сланцевском, Псковском, Опочецком, Середкинском районах, но основной материал записан в Причудье. При этом слово с мягкой основой **скóромь** в КПОС не зафиксировано. В СРГК в значении 'скоромная пища' указаны существительные **скóром** *А тепе́рь все́ скорóм, поста нету, скóромь Постны́ дни справля́ли, не éли скóромь*. и **скорóма** (хотя последний вариант вызывает сомнения: в высказываниях *Великий пост семь недель, скорóму не давали есть и Петров день начинается, так раньше старухи скорóму не éдят* употреблено скорее всего существительное мужского рода **скорóм** в родительном падеже с окончанием -у) (СРГК, 6: 126). В НОС **скóром** 'мясная или молочная пища' *Фсе́ скóром больши́э éдят тепе́рь*. В СРНГ **скóромь** с мягкой основой отмечено в том же значении в Арх., Ворон., Сарат., Горьк., Твер., Р. Урал., с твердой основой **скóром** —

в Арх., Олон., Мурман., Новгород., Твер. (СРНГ, 38: 99), т. е. слово имеет ярко выраженный северный ареал. Возможно, это одно из слов, которое подтверждает связь между лексикой говоров Причудья и европейского Севера России.

Фиксация 1960-х гг. на территории Причудья, отраженная в «Материалах...», и в целом северный ареал слова, возможно, подтверждают гипотезу о том, что лексика причудцев «помнила» о расселении древних новгородцев и их потомков поморов по Северу и Сибири. Гипотезу о северном расселении древних новгородцев до Раскола высказывали, в частности, историки А. Касиков, Е. А. Васильченко и Ф. А. Савихин: «Наличие столь большого числа “северных”, точнее, старон Новгородских слов даже в середине XX века и их география распределения по России однозначно свидетельствуют о том, что основное ядро предков русских полуверцев Северного Причудья и западнопричудцев, в том числе и предков староверов, сформировалось в Причудье во времена расселения новгородцев по европейскому Северу России, то есть задолго до Раскола. Кроме того, столь большое количество “северных” слов говорит о том, что в среду полуверцев и западнопричудцев вплоть до середины XX века не было массового переселения русских из России, иначе старые слова оказались бы «накрытыми» словами более поздних переселенцев»².

Примером такого «северного» слова может также служить и существительное **крень** в значениях ‘кривое, согнувшееся дерево’, а также ‘плотная древесина’. В «Материалах...» видим это слово (ж. р.) в значении ‘кривое, косое дерево’ *Гарás кр’эни многа, харошгий жэрз’д’и ни палучыцца*. (МСРСГП: 132). В НОС **крень** (м. р.): 1. ‘дерево с твердослойной древесиной, кривое, с сучками’ *Крень, говорит, попал, зажимает пилу, кривой лес, крениватый на одну сторону*, а также 2. ‘плотный слой древесины’ *Крень пилишь, пилишь, а там как железный клин вбит, ижно пила нейдёт* (НОС:

²Касиков А., Васильченко Е. А., Савихин Ф. А. Русские Причудья Эстонии в XVI–XVIII веках (по историческим и языковым данным) // Рябининские чтения — 2007 / Отв. ред Т. Г. Иванова. Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2007. 497 с.

456); в СРГК **крень** ‘кривое крепкое дерево’ *Крень — дерево тако кренокато* (СРГК, 3: 17). В ПОС **крень** (м. и ж. р.) имеет 2 значения: ‘дерево с крепкой тонкослойной древесиной’ *Крень, крень такой бывае, а эта крень — дэрева такоэ, почти и слоя не зная, крénкае такоэ.* и ‘трубчатый древесный гриб, загорающийся от искры, трут’ *Такой крень óкала дэрэво́ф растёт, искэрку фсё выбива́ют.* (в последнем значении зафиксировано на территории Эстонии) (ПОС, 16: 116). Данные СРНГ также указывают на северный ареал бытования этого слова: **крень** ‘кривое, согнувшееся дерево’: *Арх., Сев-Двин., Беломор., Олон., Том., Новосиб., Колым., Якут., Север., Урал* (СРНГ, 15: 214). Представлено это слово и в говорах Низовой Печоры (где также живет старообрядческое население): **крень** 1. ‘изогнутое, кривое дерево’ *Крень — дерево есь, оно горбатое.* и 2. ‘плотный слой древесины на месте искривления ствола’ *Дэрево горба́тое, на горбу́-то — крень.* (СРГНП, 1: 350). Таким образом, два значения слова **крень** — ‘изогнутое, кривое дерево’ и ‘плотная, твердослойная древесина’ выделяются на территории Эстонии и на Севере и в Сибири.

Как показывают наблюдения, многие включенные в «Материалы...» лексические единицы достаточно широко представлены в русских говорах Северо-Запада, но при этом в Причудском ареале они имеют свою специфику, отличающую их даже от сопредельных и близких псковских говоров. Так, например, в «Материалах» зафиксирован глагол **склескаться** в значении ‘встать с постели слишком рано; вскочить’: *Скл’аска́ицца с но́чы, а д’элат’-та н’эчыва, скла’ска́фишы.* (МСРСГП: 296). Также в «Материалах...» находим глагол **клескаться** в значениях ‘баловаться, шалить’ и ‘баловаться’ (записан на территории Латвии и Литвы), и зафиксированное на территории Эстонии значение ‘баловаться, шалить в воде’ (МСРСГП: 22) (строго говоря, тут два значения: 1. ‘о рыбе плескаться, играть’ *Ры́ба на со́нцы ф т’оплу паго́ду л’уби кл’аска́ицца* и 2. ‘о детях плескаться, баловаться в воде’ *Пóлна вам в вады́ кл’аска́ицца, по́лный д’эн’ с вады́ н’и в’ыгнэ́ть’, р’уб’ат’ишк’и ба́львныйи*). Откуда же у глагола **склескаться** такое значение — ‘вскакивать с постели’?

Данные СРНГ не особенно проясняют этот вопрос: у глагола **клеска́ться**: указаны три значения: 1. шалить, резвиться; 2. плескаться (о рыбе); 3. бродить, таскаться. Причем ареал распространения этого слова указан исключительно псковский или прибалтийский со ссылками на «Материалы...», фиксаций в других регионах не выявлено. На глагол **склеска́ться** в СРНГ также приведены данные из «Материалов...», а также ссылка на рукописные материалы Карпова с пометой «псковское», других указаний на бытование этого слова в говорах нет (СРНГ, 13: 383).

Обратившись к данным других словарей, в НОС обнаруживаем глагол **склестáться** ‘забраться наверх, подняться; вскочить’ *Садилась за стол, и она (кошка) склещется на колени.* (НОС: 1093); а в Картоотеке ПОС глагол **склеска́ться**, зафиксированный в двух значениях: 1. ‘сходить, сбегать куда-н.’ *Ольга фси вярёфки срэзала ф саду, во аферістка, а как гряхі атмáливать, так ф цэркву склэшишица, иш бажэственная.* и 2. ‘вступить в близкие отношения, сойтись с кем-н.’ *Вот ён и склеска́лся с ней.* (КПОС). Обращают на себя внимание контексты, в которых употреблено слово: заметно, что **склеска́ться** — это экспрессивный и оценочный глагол движения, который помимо экспрессии, т. е. сильной степени проявления какого-либо признака (не просто встать или подняться, а слишком рано или очень быстро или же неожиданно), выражает и отрицательную оценку действий объекта речи (неодобрение, осуждение). Экспрессивные значения образуют и глаголы этого корня с другими приставками: **наклеска́ться** ‘съесть, выпить в большом количестве’ *Вот ишияс наклашишюсь! Многа на за́фтрак пригatóвили!* и ‘напиться пьяным’ *Ма́й парни наклеска́юцца саладу́хи и иду́т гуля́ть.* (ПОС, 20: 24); **наклеска́ть** ‘поручить много делать, навалить’ *Наклеска́ли вам много писать.* (НОС: 601). Кроме того, заметно варьирование фонемного состава корня — клескаться и клестаться. Значения глагола **клеска́ться** / **клестáться** без приставки представлены в диалектных словарях следующим образом:

клеска́ться и **клестáться**: 1. Биться, трепыхаться (о рыбе) *Как принясу́т рыбу, ана́ жива́я, клéшищеца.* 2. Перемещать-

ся из одного места в другое. *Ба́тька с нам ма́ла жыл, усё клиска́лся пы странé. Памаги́ мне карто́фель капа́ть, ня кляши́бсь ты ф калхо́с.* 3. Долго заниматься чем-н. возиться. *Ана́ дбама кле́шишица часо́ф да двина́ццати, а здесь сразу ла́жбьца.* 4. Шалить, озорничать, баловаться. *Рабёнак кле́шатца, а па́том зарявэ́ть.* 5. перен. неодобр. Вести распутный образ жизни (о женщине). *Зина кле́шишеца с мальца́м, мужы́кам, гуляе.* 6. Войти в период течки (о собаке). *Соба́ка мой ста́рый отпра́вился на сва́дьбу. У сасéда сука кле́шишеца, трéбуе́т э́тих саба́к.* (ПОС, 14: 194).

клеска́ться ‘шалить, озорничать’ *Пойдэ́те туды клеска́ться.* (НОС: 389).

клеска́ться ‘бить друг друга’ *Пьяные дерутся, кле́щутся.* (СРГК, 2: 365).

Заметно, что семантика переносных значений определена семей ‘повторяющиеся быстрые, резкие движения’ исходного значения ‘биться, трепыхаться’ (очевидно, звукоподражательного). На этой основе и возникают значения ‘двигаться, перемещаться’ и другие, в том числе и значение ‘вскочить, подняться’ — возможно, утраченное говорами на смежных территориях или не зафиксированное собирателями (перенос в семантике поддерживается и семей резкого, неожиданного движения).

Сходную картину демонстрирует еще одно слово, вошедшее в «Материалы...» — глагол **ра́чить**.

Глагол **ра́чить** зафиксирован в «Материалах...» в значении ‘согласиться, не пожалеть’ *Ра́чыш ты мнэ́ на́ день машы́нку глад’ил’ну дам’, майа́ слама́фшы. Я́на́ ни ра́чыт и жы́тну муку́ адб́лжыт’, гдэ́ ш пшо́ннэй даст. Ни ра́чу и са́ма ад’э́т’, и дачк’и́ н’и дам.* Эст. (МСРСГ: 279). Кроме того, в «Материалах...» есть и производный глагол **разра́читься** ‘раскошелиться, раздобриться’ *Как э́та йон разра́чылс’а вам сто́лка д’э́ник аддалжы́т’, то ни кап’э́йки ни ра́чыт вьда́ть, байца́.* Эст. (МСРСГ: 274).

Надо сказать, что глагол **ра́чить** фиксируется словарями литературного языка как устаревший или областной (БАС, 12: 1036–1037) — а носителям литературного языка известно только при-

лагательное **рачительный**. Однако данные исторических словарей говорят о том, что в прошлом слово было весьма актуальным. Так, в СРЯ глагол **рачити** описан как полисемант: 1. Любить, желать, возжелеть. 2. Задумывать, замышлять. 3. Хотеть, благоволить. 4. Заботиться, думать о ком-л. (СРЯ, 22: 121).

В разнообразных значениях глагол **рачить** встречается и в современных говорах Северо-Запада. Так, в русских говорах Карелии зафиксированы глаголы **рачить** и **рачиться**:

рачить: 1. Хотеть, желать. *Я не рачила ее будить, жалко было, пусть спит.* 2. Проявлять заботу о ком-н., чем-н. *О себе-то и то не рачит ничего.* 3. Обращать внимание на что-н., замечать. *Ничего не рачу: камнем так камнем, поленом так поленом пазгану.* 4. Проявлять усердие, старание. *Кремьяки, они прижимистые, не рачили, не косили.* 5. Жалеть. *Рачить — это жалеть значит.* 6. Брезговать. *Наоборот, их рачу в руки взять, убиваю и аставляю так.* 7. Обижать. *Не рачию ведь я тебя, не обижу.* 8. Использовать, употреблять. *Раньше лампу не рачили, лучину жгли.* (СРГК, 5: 501).

рачиться ‘быть щедрым’ с отрицанием *Белое тесто о праздники ели, богатые тоже не рачились, скупились.* (СРГК, 5: 501).

В новгородских говорах **рачить** демонстрирует 7 значений: 1. Иметь желание что-н. сделать, стараться. *Рачить, это когда человек старается сделать добро людям, хочет помочь.* 2. Беречь, сохранять. *А я своих ребят сызмальства приучала всё рачить.* (и оттенок ‘жалеть, скупиться, жадничать’ *Какая жидкая каша-то у тебя, ты, наверно, рачила крупы-то сыпать.*) 3. Мочь, смочь что-н. сделать. *Я матери всю жизнь не рачила грубить, не смела говорить поперёк.* 4. Понимать, разбираться в чем-н. *Ничего она не рачит в математике.* 5. Действовать, брать. *Глаза не рачат, руки не рачат.* 6. Обижать. *Зачем рачишь его? Он же еще малой.* 7. Говорить. *Что-то ты много рачишь.* (НОС: 1017).

Также в новгородских говорах зафиксированы глаголы **рачиться** ‘смотреть с завистью, завидовать’ *Что ты рачишься? Не завидуй ему* (НОС: 1017) и **разрачиться** ‘проявить доброту, щедрость, раздобриться’ *Никак разрачился, купил детям гостинцев; А дала конфету-ту, разрачилась жадина.* (НОС: 1002).

На фоне такого семантического разнообразия обращает на себя внимание именно то значение глагола **ра́чить** ‘обычно с отриц. Не жалеть потратить, использовать что-л.’, которое отмечено «Материалами...» и в котором глагол активно функционирует сегодня в говорах староверов Эстонии: в СГСЭ видим примеры, записанные в деревнях Муствэе и Новая Казапель, а также на острове Пийрисаар: *Шли босиком [до Тарту]... А если туфли, то несли на плече по лесу — не ра́чили по лесу обувь трепать; Мама у меня говорит: «Другой раз даже не ра́чу получше есть что-нибудь купить, всё думаю: а вдруг пенсии не хватит? Не ра́чу»; И вот конфетинку-то ты не ра́чишь себе купить, денежку бережёшь.* (СГСЭ: 128).

В псковских говорах, по данным Картотеки ПОС, глагол **ра́чить** зафиксирован в том же значении, что и в говорах староверов Эстонии: ‘Обычно с отриц. Не жалеть потратить, использовать что-л.’ *Ня ра́чала дать — ёта значит не хотёла, не решáлась дать; Ёта скупые старики не ра́чат на мельницу, штобы не платить, эконómства была,* причем обе записи сделаны в Гдовском районе, других фиксаций нет. Учитывая то, что записей в других районах Псковской области нет (т. е. там слово или утрачено или неизвестно, что более вероятно, если принять во внимание объем Картотеки ПОС и длительность наблюдений, — оно просто не свойственно говорам), а староверы Эстонии его так хорошо помнят и активно употребляют сегодня — можно сделать вывод, что слово **ра́чить** именно в этом значении характерно для лексики Причудья.

Авторы «Словаря говоров староверов Эстонии» приводят параллель из эстонского языка, сравнивая **ра́чить** с глаголом *gaatsima* в значении ‘быть внутренне готовым сделать что-н., как-либо поступить, не скупиться (обычно с отриц.)’. На мой взгляд, связь с этим глаголом есть — (возможно, что эстонская параллель как бы «поддерживает» существование этого древнего слова в говоре староверов, не дает ему забыться). Хотя глагол **ра́чить** широ-

ко распространен в славянских языках³, в данном ареале, в Причудье — и семантика, и синтаксическая связанность говорят об общности двух глаголов.

Обращает на себя внимание и еще один факт — лексические «ниточки» от Западного Причудья тянутся к новгородским говорам, ведь и *склескаться*, и *разраться* обнаруживаются в новгородском словаре и в тех же значениях, что и в говорах староверов Эстонии. На факт такого родства уже обратила внимание О. Г. Ровнова, заметившая любопытную параллель в трудах фольклористов: в Музее Крейцвальда был обнаружен текст старинной новгородской свадебной опевальной песни, записанной от жительницы дер. Колькья⁴. И дело здесь, наверное, не столько в том, что говоры Причудья, говоры староверов Эстонии — наследники древнего псковско-новгородского диалекта. Как и в случае с опевальной песней, записанной от информантки-староверки с новгородскими корнями, видимо, существовали более поздние перемещения носителей новгородских говоров на берега Чудского озера.

В заключение можно отметить, что на вопросы междиалектных лексических связей могут пролить свет только широкие ареальные исследования⁵. Фиксация или отсутствие фиксации сло-

³Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 8. СПб., 2004. С. 173–235. (И, К, Л, М); Вып. 9. СПб., 2008. С. 209–262. (Н, О, П, Р); (Фасмер, III: 450–451).

⁴Ровнова О. Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 и 2003–2007 гг. // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II. Главный редактор И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 2007. С. 176–201.

⁵См. напр.: Бурдакова О., Бурдакова Н. О словаре прибалтийско-финских заимствований в русских говорах эстонского Причудья // Eesti Keele instituudi Toimetised 7. Inter dialectos nominaque. Tallinn, 2000. Lk. 18–38; Штейнгольд А. В. Лексика староверов Западного Причудья в этимологическом аспекте // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Тарту, 2007. С. 164–175; Пурицкая Е. В. Староверы острова Пийриссаар 50 лет назад (по материалам диалектологических экспедиций филологического факультета ЛГУ) // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Acta slavica estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Тарту: University of Tartu

ва в том или ином значении «...сами по себе не являются свидетельством того, что слово утрачено к настоящему времени или не функционировало в говоре в определенный период или на определенной территории. Скорее они утверждают нас в мысли, что лексикографирование лексического пласта говора старообрядцев, живущих на западном берегу Чудского озера, находится лишь на начальной стадии и должно быть продолжено»⁶.

Сокращения

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–16. М., 1980–2014 (издание продолжающееся).
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.-Л.: Наука, 1948–1965.
- КПОС — Картотека Псковского областного словаря с историческими данными (хранится в Межкафедральном словарной кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ).
- МСРСГП, Материалы... — *Немченко В. И., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / Под ред. М. Ф. Семеновича. Рига, 1963.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru/>.
- НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подг. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова. Вып. 1–25. Л./СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2014 (издание продолжающееся).
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т. Г. Паникаровой. Вып. 7–12 / под ред. Л. Ю. Зориной. Вологда: ВГПУ, 1983–2007.

Press, 2012; *Ровнова О. Г.* О современном языке староверов Западного Причудья // *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. I. Тарту, 2004. С. 144–154; *Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П.* Говоры староверов в современной Эстонии // *Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов* / Отв. ред. Л. Л. Касаткин; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. и др.

⁶*Паликова О. Н.* Школьный словарь говора староверов Эстонии // *Слово и текст в культурном сознании эпохи. Материалы всероссийской научно-практической конференции*. Вологда, 13–15 октября 2008 г. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 133.

- ГСЭС — Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии. Тарту: Общество культуры и развития староверов Эстонии, 2008.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–6. СПб.; Тверь: Изд-во СПбГУ; Тверской ун-т, 2003–2014 (издание продолжающееся).
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2-х тт. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003—2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–48. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2015 (издание продолжающееся).
- СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29, М.: Наука, 1975–2011 (издание продолжающееся).
- ТСУ — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1941.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.

E. Puritskaya. Vocabulary of Russian Dialects in Estonia and Russian North-West Dialects: The 50th Anniversary of the “Materials for the Vocabulary of Russian Dialects in Baltic Countries”

The “Materials for the Vocabulary of Russian dialects in Baltic Countries” (1963) is a unique source of dialect data recorded in 1950s–1960s on the territory of Estonia, Latvia and Lithuania. Since that period new dialect dictionaries have been published and new studies of the language and culture of the Old Believers in Estonia have emerged. It allows us to analyze the vocabulary of Russian dialects in Estonia in the context of the dialects of the Russian North-West and, even wider, in the context of Russian dialects in general. The article analyzes the lexical system of Russian dialects in Estonia, as well as differences in the functioning of dialect words in the speech of the Old Believers in Estonia and in the speech of peasant population in Russia.

Keywords: Russian dialectology, Russian dialects, lexicology, dialect lexicography, Old Believers, Estonia.